

А. В. Канафьева
Москва, Россия

A. V. Kanafieva
Moscow, Russia

РИТОРИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

RHETORICAL EXPRESSION IN MODERN PUBLIC SPEECH

ГСНТИ 16.21.55

Kod BAK 10.02.20

Аннотация. В данной статье рассматриваются функции риторических высказываний разных моделей в современной публичной речи. В качестве основной выделяется функция обличения. Анализируется субъективно-эмоциональный план содержания риторических высказываний.

Abstract. The article reviews functions of rhetorical expressions in different patterns of the public speech. The author singles out the function of exposure as the main function. The article is also devoted to the analysis of subjective-emotional side of the expression.

Ключевые слова: риторическое высказывание; риторический блок; вопросительная форма; экспрессивность.

Key words: rhetorical expression; rhetorical complex; interrogative form; expressivity.

Сведения об авторе: Канафьева Аля Васильевна, кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка.

About the author: Kanafieva Alya Vasilievna, Candidate of Philology, Doctoral Student, the Department of the Modern Russian Language.

Место работы: Московский государственный областной университет.

Place of employment: Moscow State Regional University.

Контактная информация: 111 395, г. Москва, ул. Красный Казанец, д. 7, кв. 73.

e-mail: masha_lekant@mail.ru.

Под риторическим высказыванием в данной статье понимается высказывание, имеющее вопросительную форму (местоименные компоненты, вопросительные частицы, вопросительную интонацию), но не предполагающее ответной вербальной реакции адресата. В риторике такие высказывания определяются как *риторический вопрос*. Известный русский ученый, автор «Общей риторики» 1844 г. Н. Кошанский, относя риторический вопрос к *фигурам мысли*, отмечал, что фигуры мыслей отступают от «простой, обыкновенной, холодной речи», что они – «выражение, исполненное чувства – язык страстей». Оратор употребляет фигуры мыслей «в жару чувств, в стремлении души, в пылком движении сердца» [Кошанский 1844].

Употребляемые на современной газетной полосе риторические высказывания (далее – РВ) не имеют тех специфических черт, которые были присущи им изначально, когда они служили средствами передачи возвышенных чувств, благородных порывов, страстности, патетики. Из множества функций РВ (эмотивной, оценочной, воздействующей, аргументирующей, апеллятивной и др.) в современной прессе преобладает функция **разоблачения, уличения** в неблагоприятных поступках известных широкой публике лиц. Внимание пишущих сосредоточено на скандальных, преступных, противозаконных, аморальных поступках. Авторы статей не стесняются в выражениях и прямолинейных оценках, выступая непримиримыми оппонентами тех, кого критикуют. Читая статьи А. Проханова, В. Костикова, поневоле сжимаешься от кипящей ярости, ненависти авторов, и в то же время испытываешь чувство неловкости: нет культуры публичных выступлений, культуры общения. И не запоздалые ли это разоблачения?

Функции разоблачения особенно подчинены

РВ, употребляемые политиками, находящимися в оппозиции к действующим властным структурам разных уровней. Эти РВ имеют ярко выраженный эмоциональный характер: негодование, презрение, издевка, сарказм и под. Негативный эмоциональный настрой авторы публичных выступлений посредством РВ обрушивают на своих противников, апеллируя к сознанию и чувствам адресата, желая повлиять в нужном направлении на формирующиеся у слушателя мнения и оценки.

Страстностью, эмоциональным накалом, жесткостью оценок отличаются, например, публичные выступления В. Костикова. В статье «Игры глухих» [АИФ. 2010. № 10] он поднимает тему провального выступления наших спортсменов на Олимпийских играх в Ванкувере. Употребляя яркие, очень выразительные метафоры, автор замечает, что «спортивный инфаркт» как одна из «российских болячек» вызван рядом причин, отнюдь не ограничивающихся, например, отсутствием собственного спортивного инвентаря. Настоящая причина провала, по мнению автора, – это коррупция на всех уровнях. Автор пишет: «Во время недавней нашумевшей ссоры А. Кудрина с Ю. Лужковым министр финансов открыто сказал, что может «рассказать много интересного о бюджете Москвы и расходах мэрии». Далее он употребляет РВ: **«И что же? Кто-то предложил создать парламентскую комиссию по расследованию? Кто-то предложил вызвать «двоих друзей» на слушания в сенат? Нет. А Кудрин просто «облегчил душу», а Ю. Лужков немного пообижался»**. Собственное мнение автора о необходимых мерах заключено в РВ. *Кто-то* в функции субъекта означает не *никого*, а вполне определенный круг лиц, которым подвластно изменение ситуации и которые могут повлиять на ход событий. Веро-

ятно, круг этих лиц составляют влиятельные государственные и общественные деятели парламента и сената, не желающие или опасющиеся совершить законные действия. Действия, выраженные перформативными каузативными глаголами, представляются для субъекта *кто-то* опасными, с точки зрения говорящего. РВ – намеки автор употребляет, когда говорит о противозаконной растрате бюджетных ассигнований на развитие спорта и подготовку российских спортсменов: *Бюджетные ассигнования на спорт в последние годы возросли в несколько раз. Но ни до спортсменов, ни до тренеров, ни до наших дворовых мальчишек они не дошли. Кто-нибудь объяснит нам, где эти деньги? Может быть, Счетная палата?»*.

Автор не ограничивается сферой спорта, когда говорит о нецелевом использовании финансовых бюджетных средств. РВ с местоименными компонентами *куда, почему* и глагольными предикатами *даться (исчезнуть, пропасть)* в форме перфектного прошедшего определяют позицию автора, отраженную в вопросительной форме: *Вопросы такого рода шевелятся по всем закоулкам экономики. Куда, например, делись 3 млрд. рублей, расхищенных, по словам главного военного прокурора С. Фридинского, в силовых ведомствах страны? Ясно, что к рядовым солдатам и младшим офицерам они не попали. Или почему «вдруг» выясняется, что стране не нужно половины имеющихся танков? Почему излишек в 10 000 (!) танков выявлен только сейчас? Почему танковые генералы молчали многие годы? А ведь на содержание этих бронированных ртов годами выделялись деньги». Обличительный пафос, эмоция негодования, негативная оценка усиливаются лексическим повтором *почему*. Все составляющие РВ направлены на прагматический эффект публичного выступления, повышение его суггестивности. У адресата тоже возникает вопрос: «А действительно, почему?»*

В другой публикации [АИФ. 2008. №1] В. Костиков осуждает неоправданные затраты разветвленной власти, употребляя РВ с частицей *ли*, имеющие семантику отрицания: *Многое зависит от нравственной позиции властей и тех, кого принято называть элитой. Смогут ли они поддержать атмосферу единения в беде? Или элита, упаковав чемоданы, съедет на Запад, в заранее заготовленные квартиры? Такие подозрения есть. Там же: А сколько стоит наша разветвленная власть? Так ли уж обязательно столько машин сопровождения для многочисленных высокопоставленных кортежей? Нужно ли столько государству резиденций? Время ли обустраивать новые дворцы? Так ли необходим, например, московской власти новый Дворец приемов – Петровский дворец? Не лучше ли отдать его под Дом пионеров? Заключение РВ в этом*

блоке с частицей *не... ли* является утвердительным, предложением «операционного предпочтения» [Арутюнова 1998]. В нем отражена позиция автора: *не лучше ли означает лучше*.

Аксиологическая установка автора, его ценностная ориентация выражается и в следующих РВ: *Недавно мы ехали к другу на дачу по Рублевскому шоссе в сторону Звенигорода. И вот едем: ни полей, ни лесов, с двух сторон дороги 6-метровые заборы. От кого они прячутся? От природы? От журавлей в небе? Ты где-нибудь за границей видел такое?* [А. Шевчук. АИФ. 2010. №37]. Такие лаконичные РВ иногда воздействуют на адресата больше, чем некоторые пространные бесстрастные тексты.

Распространены в современной прессе РВ с частицами *неужели* и *разве*. Их семантика в наиболее общем виде – выражение несоответствия позиции автора иной версии или трактовке события: «...содержание предложения с частицей *разве* противоречит положительным сведениям, которыми ранее располагал говорящий, а содержание предложения с частицей *неужели* – его гипотезам, которые он склонен выдвинуть, но об истинности которых у него нет положительных данных» [Булыгина, Шмелев 1997].

Так, журналист Леонид Млечин, говоря о причинах «разгула» майора Евсюкова, приведшего к гибели людей, пишет: «Опасные склонности не могли не проявляться и прежде. **Неужели никто ничего не замечал? Или люди с этими качествами как раз и находят себя в милиции?**» РВ с частицей *неужели* выражает семантику утверждения, уверенность автора в обратном: *Не может быть, чтобы никто ничего не замечал*. Риторическая форма утверждения включает и жесткую насмешку автора. Саркастично и второе РВ. РВ с частицей *разве* через отрицательную форму утверждает иную пропозицию, а именно – какими качествами должны обладать молодые люди, приходящие в правоохранительные органы: «**Разве приходящих в правоохранительные органы молодых людей учат защищать и охранять граждан? Разве, отправляя патрулировать город, им говорят: помогайте людям, оберегайте их от неприятностей? Учат их совсем другому: хватать и разгонять, сажать и наказывать**». Акцентируя причинно-следственную связь, автор употребляет РВ сложной структуры: *Милицейские начальники встроены в систему всеобщей коррупции. А рядовой милиционер же все видит: если генерал построил особняк и ездит на «Мерседесе», отчего же ему не получить свою долю? И получает* [АИФ. 2010. № 6].

Некоторые части газетных публикаций представляют собой сцепление РВ, образующее риторический блок: *Если ты кровавый бандит, закапываешь трупы в лесу, но строишь часовню, – ты патриот и христианин? Если срезаешь наголо реликтовый русский лес*

*и по дешевке толкаешь его в Израиль, но при этом жертвуешь на книжицу русского поэта, – ты патриот? Если ты – «нефтяной король», гонишь русскую нефть за кордон, оставляя пустыми баки русских тракторов и комбайнов, и при этом произносишь на банкетах тост за русский народ, – ты патриот? Неужели батюшки, освящающие «мерседесы» и плавательные бассейны магнатов, не бояться сгореть в аду? [А. Проханов. «Завтра». 2001. №31]. Части блока – РВ сложной структуры, однотипно организованные, реализующие противительные-уступительные отношения. Предикативные признаки, приписываемые обобщенному субъекту *ты*, заключены в антонимических лексических средствах, выражающих взаимоисключающие понятия: бандит не может быть патриотом и христианином, как не может быть им и человек, разбазаривающий во имя корыстных целей национальное достояние, – это противоречит логике, здравому смыслу. Заключительное РВ в этом блоке выражает интенцию автора: все это преступно по отношению к стране, к людям, а еще более – к Всевышнему. В РВ заключена резко негативная оценка, передается страстность автора, категоричность и однозначность оценок.*

Давая интервью АИФ в свой юбилей, Народный артист Сергей Юрский рассуждает о пагубном влиянии власти на людей. Говоря о царе Ироде Агриппе, утверждает: «...человек он был образованный, заботящийся о благе своего народа, дипломат и пр. **На чем он сгнил? Причем сгнил, как написано в Евангелии, внезапно: просто напала болезнь, раз – и все. Бога забыл. Он решил, что все исходит из его власти. <...> Он возомнил себя ВСЕвластелином. Не то ли самое произошло с Иосифом Виссарионовичем, которого я играю в спектакле «Вечерний звон»? Болезнь, психическая болезнь Сталина – когда она пришла? Была изначально? Нет! Он человек, как и царь Ирод, выдающийся. Меня ругали за эти слова, я даже письма гневные получал: «Вы нас оскорбили! Как вы могли назвать Сталина выдающимся?» Конечно, выдающийся! А какой? Средний? Нет, не средний!» Для актера, создающего сценический образ не обычного человека, а человека выдающегося, вызывающего противоречивые оценки историков, политиков, народных масс, чрезвычайно важно проникнуть в тайные лабиринты души личности Сталина, понять причины ее распада, истоки его болезни всевластелинства. Выделенные риторические вопросы имеют **акцентирующий характер**: они фиксируют внимание читателей (потенциальных зрителей) на стержневых моментах пьесы, а также на собственных взглядах актера. Проводя параллель между личностью Ирода и личностью Сталина, он знает ответ на свои вопросы, хотя и**

предполагает несогласие с его трактовкой читателей (зрителей). Возможное расхождение в оценках подтверждается формой импровизированного диалога: на собственный вопрос адресату говорящий инсценирует ответную реплику-вопрос, которая тут же им отрицается.

Беспомощность российских СМИ в формировании высоконравственной личности, отстаивании национальных приоритетов разоблачает один из авторов местного издания МГУПечати Михаил Ненашев: *Роль СМИ в современной российской общественной жизни выглядит не только странно, но и двусмысленно. В самом деле, о чем может повести речь федеральное телевидение, занятое преимущественно развлечением, когда президент всерьез заявляет, что основу нашей политики должна составлять идеология, в центре которой – человек как личность и как гражданин? Что могут сказать СМИ, когда президент заводит речь о нравственных духовных ценностях? Какой отклик может вызвать на телевидении его заявление о том, что мы должны консолидироваться вокруг наших национальных приоритетов – свободы и справедливости, человеческого достоинства и благополучия, защиты семьи, отечества, единства многонационального государства? Ведь это самое телевидение уже не одно десятилетие занято главным образом тем, что разрушает упомянутые ценности, и немало в этом преуспело.* РВ с местоименными компонентами о чем, что, какой в приведенном фрагменте статьи имеют негативно-оценочный характер. Утверждение о двусмысленной роли СМИ аргументируется экспрессивной формой следующих за ним РВ, итог риторических утверждений автора содержится в заключительном предложении, указывающем на главную причину «морального износа» СМИ.

Таким образом, РВ разных структурно-семантических моделей, объединяя рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное, являются в современной публичной речи, в частности в газетных текстах, эффективным средством воздействия на адресата, формирования у него соответствующих оценок и мнений. Несомненна их полифункциональность, хотя для современных публичных выступлений более всего характерны РВ с функцией разоблачения и неразрывно связанной с ней эмотивно-аксиологической.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
 Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) – М., 1997. С. 275.
 Кошанский Н. Общая риторика. Изд. 9-е. – СПб., 1844. С. 91, 107.

© Канафьева А. В., 2010